

ДАЛЕКИЙ ВЕК:

Иван Грозный. Борис Годунов. Ермак

Исторические повествования

БОРИС ГОДУНОВ

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 ГОДА

БОРИС ГОДУНОВ

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 ГОДА

<http://www.bibliotekar.ru/polk-10/47.htm>

Царь Федор умер 6 января 1598 года. Древнюю корону – шапку Мономаха – надел на себя Борис Годунов, одержавший победу в борьбе за власть. Среди современников и потомков многие сочли его узурпатором. Но такой взгляд был основательно поколеблен благодаря работам В. О. Ключевского, Известный русский историк утверждал, что Борис был избран правильным Земским собором, то есть включавшим представителей дворянства, духовенства и верхов посадского населения. Мнение Ключевского поддержал С. Ф. Платонов. Воцарение Годунова, писал он, не было следствием интриги, ибо Земский собор выбрал его вполне сознательно и лучше нас знал, за что выбирал.

Избирательная документация Годунова сохранилась. Авторы ее старательно описали историю восшествия Бориса на престол, но им не удалось избежать недомолвок и противоречий. Историки до сих пор не могут ответить на простой вопрос: «Сколько людей участвовало в соборном избрании Годунова?» Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев – 474, Н. И. Костомаров – 476, В. О. Ключевский – 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина – более 600. Эти расхождения поистине удивительны, ибо все названные ученые опирались в своих расчетах на показания одних и тех же источников. Затруднения вызваны следующими моментами.

Сохранилось не одно, а два соборных постановления об утверждении Годунова в царском чине. Если верить датам, то оба документа были составлены практически в одно и то же время. Первая грамота помечена июлем 1598 года. Вторую грамоту писали в том же месяце и закончили 1 августа 1598 года. Однако по содержанию грамоты заметно различаются. Они дают неодинаковое освещение некоторых важных моментов избирательной кампании Бориса и неодинаково определяют состав его выборщиков. Кроме того, в каждой из них списочный состав собора не соответствует подписям.

Если имеются сходные постановления, подписанные разными лицами, то можно сделать вывод, что эти постановления выносились не в одно и то же время. Сказанное

побуждает подвергнуть всесторонней критической проверке датировку утвержденных грамот.

Внимательное чтение июльского постановления позволяет расщепить его на две части. Основной текст имеет четкую концовку: члены собора приносят присягу на верность Годунову, а непослушным грозят проклятием. Затем следуют традиционная заключительная фраза: «А у сей утвержденной грамоты сидели...» – и список членов избирательного собора.

Со временем грамоту дополнили обширной припиской. Приписка имела совершенно такую же концовку, как и основной текст. Ее составители повторили формулу верности Борису и проклятия по адресу слушников. Они же датировали грамоту, пометив, что она «уложена и написана бысть лета 7106 июля в ... день».

Можно предположить, что эта дата указывала на время составления приписки, а не основного текста. Авторы приписки обратили внимание на

то, что в соборном списке основного текста пропущено имя одного из главных церковных иерархов Гермогена. Они сочли нужным пояснить, что Гермоген «был в то время (!) в своей митрополии во граде в Казани для великих церковных потреб и земских дел». Приведенные слова не оставляют сомнения в том, что основной текст грамоты возник значительно раньше приписки. Поздний комментатор заметил целый ряд пробелов в основном тексте и объяснил их тем, что «писаны быша имена в сей утвержденной грамоте памятию... занеже в то время (!) степенных списков вскоре не сыскано».

К какому же времени относится основной текст приговора об избрании Бориса? В грамоте можно обнаружить самые точные данные на этот счет. Патриарх Иов, сказано в ней, 9 марта 1598 года предложил собору составить грамоту об утверждении Бориса на царство: «да будет впредь непоколебимо, как во утвержденной грамоте написано будет». 1 апреля Борис въехал в царский дворец, после чего «сию утвержденную грамоту, по мале времени написавши, принесоша к Иеву». Значит, утвержденная грамота была составлена в марте – начале апреля 1598 года. В пользу этой даты говорит и то, что соборный приговор день за днем описывает избирательную кампанию с января до начала апреля, но полностью умалчивает о последующих событиях. Так обнаруживается первый подлог в избирательной документации Годунова. Вопреки точным указаниям начального текста, редакторы произвольно передвинули время ее составления с апреля на июль, выставив эту дату в приписке к тексту грамоты.

Второй приговор об избрании Бориса помечен 1 августа. В отличие от первого он скреплен подписями не только церковников, но и всех светских чинов, участвовавших в выборах. В. О. Ключевский первым заметил несоответствие между списками и подписями избирателей Годунова и попытался объяснить расхождение тем, что списки были составлены при созыве собора в феврале – марте, а подписи собраны при закрытии собора в августе. Гипотеза В. О. Ключевского кажется, однако, неудачной.

Тщательная проверка списков и подписей избирателей позволяет установить иную дату составления грамоты. После коронации, в первых числах сентября, Борис пожаловал чинами многих знатных дворян, участвовавших в выборах. И в списках и в подписях избирателей (при всех их расхождениях) эти лица названы с теми чинами, которые они получили в сентябре–декабре 1598 года. Отсюда следует, что канцелярия составила списки собора не в феврале 1598 года, а почти год спустя.

Новая датировка объясняет, почему далеко расходятся между собой списки церковного собора в двух утвержденных грамотах. Не две-три недели, а год разделял две редакции грамоты, и в этот период сменились настоятели ряда монастырей. Возникла даже новая епископская кафедра в Кореле, и она впервые названа в поздней редакции «утвержденной грамоты».

Факты выявляют второй подлог в избирательных документах Годунова. Цели и мотивы этого подлога можно понять. Окружение нового царя ориентировалось на прецедент – избрание царя Федора. Земский собор «избрал» на трон слабоумного царского отпрыска ровно за месяц до его коронации. Годуновская канцелярия стремилась доказать, что и Борис короновался на царство через месяц после избрания на Земском соборе.

А теперь рассмотрим историю Земского собора 1598 года по существу.

Царь Федор Иванович не оставил после себя завещания. Неясно, помешал ли ему правитель или по своему умственному убожеству он и сам не настаивал на необходимости «совершить» духовную. В ходе избирательной борьбы возникли различные версии насчет его последней воли. Носились слухи, будто Федор назвал в качестве преемника Романова, одного из своих братьев. Официальная версия, исходившая от Годуновых, была иной.

Как значилось в утвержденной грамоте ранней редакции, Федор

«учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борису «приказал» царство и свою душу в придачу. Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил «на государствах» супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками. Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь по обыкновению отмалчивался и ссылаясь на волю божью. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре. Как видно, «благоуродивый» Федор действовал в полном, соответствии с церковными предписаниями и стариной.

Каждый из родственников царя имел свою причину негодовать на его поведение. В итоге Федор умер в полном небрежении. Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, к даже сосуд для миро ему положили не по-царски простой. «Освятованный» царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться как с брошенной куклой еще до того, как он испустил дух.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы и пытался закрепить за ней трон. Тотчас после кончины мужа Ирина издала закон о всеобщей и полной амнистии, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей (воров), разбойников и прочих сидельцев.

Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквах пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставили принести клятву на верность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису и его детям. Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику. Он явно не рассчитал своих сил. По словам очевидцев, в столице «важнейшие не захотели признать Годунова великим князем», в провинции (!) также не все целовали крест «новому великому князю», а народ выражал недовольство шайкой Годуновых».

При жизни Федора Ирину Годунову охотно именовали «великой государыней». Но такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату.

Испокон веку в православных церквах пели «многие лета царям и митрополитам. Патриарх Иов не постеснялся нарушить традицию и ввел богослужение в честь вдовы Федора. Летописцы сочли такое новшество неслыханным. «Л первое богомолие (было) за нее, государыню, — записал один из них, — а преже того ни за которых цариц и великих кнеинь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье». Иов старался утвердить взгляд на Ирину как на законную носительницу самодержавной власти'. Но ревнители благочестия, и среди них дьяк Иван Тимофеев, заклеили его старания, как «бесстыдство» и «нападение на святую церковь».

Имеются сведения о том, что в обстановке междуцарствия руководство Боярской думы и столичные чины взяли на себя инициативу созыва избирательного Земского собора. После кончины Федора, записал московский летописец, «града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское». Показания современников подтверждают достоверность этого известия. Некий немецкий агент сообщал, что уже в

конце января именитые бояре и духовные чины Пскова, Новгорода и других городов получили приказ немедленно ехать в столицу для избрания царя. Но этот приказ не был выполнен из-за противодействия правителя.

На воеводских должностях в провинции сидели многие известные недоброжелатели Бориса, и он не желал допустить их к участию в соборе. По словам псковского очевидца, Годунов приказал перекрыть дороги в столицу и задержать всех лиц, ранее получивших приглашение прибыть в Москву.

Годунов имел основания для тревоги и беспокойства. События развивались совсем не так, как ему хотелось. Иностранцы наблюдали и твердили в один голос, что в России «из-за нового царствования возникла великая смута» и «великое замешательство».

Самостоятельное правление царицы Ирины не ладилось с первых дней. Через неделю после кончины мужа

она объявила о решении уйти в монастырь. В день ее отречения в Кремле собралось множество народа. Официальные источники впоследствии изобразили дело так, будто толпа, переполненная верноподданническими чувствами, слезно просила вдову остаться на царстве. На самом деле настроения народа внушали власть имущим крайнюю тревогу. Голландский наблюдатель Исаак Масса подчеркивал, что отречение Годуновой носило вынужденный характер. «Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу». «Дабы избежать великого несчастья и возмущения», Ирина вышла на Красное крыльцо и объявила о намерении постричься.

Годунова отказалась от власти в пользу Боярской думы. «У вас есть князья и бояре, — заявила она народу, — пусть они начальствуют и правят вами». Слова царицы отвечали политическим видам бояр, и она произнесла их, вероятно, по настоянию именно бояр.

Вскоре вдова Федора «простым обычаем», без церемоний, уехала в Новодевичий монастырь и приняла там «тихое и безмолвное иноческое житие». Так гласила официальная легенда. В жизни было иначе.

После пострижения старица Александра Федоровна не только не простилась с мирской жизнью, но пыталась править страной из монастыря: подписывала именные указы, рассылала их по городам. За спиной царицы-инокини стоял ее брат Борис Годунов.

Правителю не удалось предотвратить пострижение Ирины. Но он не собирался сдавать позиции. В тот памятный день, когда народ вызвал на площадь царицу, Годунов вышел на Красное крыльцо вместе с ней и постарался убедить всех, что в Московском государстве все останется как было. Взяв слово после сестры, Борис заявил, что берет на себя управление государством, а князья и бояре будут ему помощниками. Так передал речь Годунова австрийский гонец Михаил Шиль. Достоверность известия засвидетельствована апрельской грамотой. Как следует из ее текста, Борис утверждал, что «оге боляры ра-дети и промышляти рад не токмо по-прежнему, но и свьше перваго». Совсем иначе передали речь Бориса составители окончательной редакции грамоты. Годунов будто бы сказал, что удаляется от дел, а править государством будет патриарх.

Правительственная канцелярия пыталась скрыть от посторонних глаз необъяснимое противоречие в поведении Годунова. Сначала он вознамерился править страной

и постарался обязать всех присягой, а затем устранился от дел. Почему? По доброй воле, как утверждал поздний редактор, или под давлением обстоятельств?

При жизни Федора Годунов умел добиться повиновения от высшей знати. После смерти царя бояре перестали скрывать свою вражду к временщику. Аристократия и слышать не желала о передаче ему короны. Ее

упрямство подкреплялось вековыми традициями. В феодальные головы плохо укладывалась мысль об избрании в цари не слишком знатного дворянина. Никто не сомневался в том, что на троне может сидеть лишь тот, кто происходит от «царского корены». Ближайшими родственниками Московского дома были князья-рюриковичи, среди которых первенствовали «принцы крови»: Шуйские. Калита вел род от Александра Невского, а Шуйские — от Андрея, его младшего брата. Знать помнила уго даже при Иване Грозном. По некоторым известиям, князья Шуйские надеялись завладеть опустевшим тронном и настойчиво интриговали против Бориса Годунова. После смерти Федора, как утверждал «Новый летописец», патриарх и власти, «со всей землею советовав», решили посадить на царство Бориса Годунова, «князи же Шуйские едины ево не хотяху на царство». «Новый летописец»: «возник в окружении Филарета Романова, и, по меткому замечанию С. Ф. Платонова, имя Шуйского было вставлено в эту летопись лишь для отвода глаз. В действительности главными противниками Годунова выступали не Шуйские, а Романовы. Княжеская знать принуждена была склонить голову под тяжестью опричного террора. Гонения Годунова довершили дело. Шуйские не осмелились выступить с открытыми притязаниями на корону и предпочли выждать».

С января 1598 года в Литву стали поступать сведения о том, что в Москве определились четыре самых вероятных претендента на трон. Первые места среди них отводились Федору и Александру Никитичам Романовым. Их шансы казались исключительно большими. В феврале за рубежом разнеслась весть, что бояре избрали старшего Романова, а Годунова убили. Литовская секретная служба вскоре же убедилась в неосновательности этих слухов, но литовские «шпиги» продолжали твердить, что бояре и воеводы согласны выбрать Романова за родство с прежним царем.

Последние места среди претендентов достались Мстиславскому и Борису Годунову. В жилах Мстиславского текла королевская кровь, он был праправнуком

Ивана III и занимал пост главы Боярской думы. Но среди коренной русской знати литовские выходцы Мстиславские не пользовались авторитетом.

Литовцы совсем не высоко оценивали шансы Бориса. Он не имел никаких формальных прав на трон, так как не состоял в кровном родстве с царской фамилией. Передавали, что Федор перед смертью выразил отрицательное отношение к кандидатуре Бориса из-за его незнатного происхождения. На стороне Бориса, по сведениям лазутчиков, выступали меньшие бояре, стрельцы и почти вся «чернь». Но ни стрельцы, ни народ, по феодальным меркам, не могли иметь решающего голоса в таком деле, как избрание царя.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. В феврале за рубеж поступила информация о том, что московские бояре «никак не могут помириться, между ними великое разногласие и озлобление». Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с резкими нападками на правителя. Из-за их вражды Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся на своем подворье. На первых порах он не отказался от попыток вершить дела, не выходя из стен дома. Свояк, боярин Шуйский, пытался помочь ему. По данным литовской разведки, Шуйский убеждал бояр ничего не предпринимать без ведома правителя. Но его посредничество не привело к успеху. Раздор в думе достиг такой остроты, что Борису пришлось покинуть свое кремлевское подворье и выехать за город. Он укрылся в хорошо укрепленном Новодевичьем монастыре.

Покидая Кремль, Годунов оставил там в качестве доверенного лица Иова.хлопоты патриарха в пользу правителя имели важное значение, но они не могли predeterminedить исход выборов. Ставленник Бориса не обладал ни

сильным характером, ни достаточным авторитетом. Бесцеремонное вмешательство в политическую борьбу навлекло на патриарха негодование знати. Впоследствии Иов не мог без горечи говорить о времени, предшествовавшем избранию Годунова. В те дни, вспоминал патриарх, он впал «во многие скорби и печали» и на него «на-паде озлобление и клеветы, укоризны, рыдания и слезы, сия убо вся меня смиреннаго достигоша». Если Иов и допускал преувеличение, то не слишком большое.

Великородные бояре отвергали претензии патриарха на руководство делами. У них были свои виды на престолонаследие. Противоборствующие стороны всеми силами старались заручиться поддержкой столичного населения.

Москва стала ареной яростной агитации против Бориса. Из уст в уста передавали слухи, будто правитель сам отравил благочестивого царя Федора, чтобы завладеть короной. Об этом страшном преступлении толковали и в первые недели междуцарствия, и много лет спустя. Невозможно было придумать обвинение более тяжкое, чем цареубийство. Невозможно было найти лучшее средство, чтобы поднять против Годунова посадские низы. Накопившееся в народе недовольство постоянно искало выхода, настроение толпы менялось мгновенно.

Свидетель и участник тогдашних событий Иван Тимофеев с полной определенностью указал на то, что именно страх изгнал правителя из столицы— Борис, по его словам, опасался в сердце своем, не поднимется ли против него вдруг восстание народа и не поспешит ли народ отомстить за смерть царя, подняв руку на его убийцу.

Факты обнажают несостоятельность официальных заверений, будто Борис выехал за город по своей доброй воле. На самом деле бегство из Кремля свидетельствовало о его поражении на первом этапе избирательной борьбы. Поражение могло привести к отставке Годунова с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье совещание, принявшее решение об избрании на трон Бориса. Обе редакции утвержденной грамоты подчеркивают, что в совещании участвовали духовенство, бояре, дворяне, дети боярские, приказные люди и всех чинов люди из Москвы и всей Русской земли. Но и в том и в другом варианте рассказа можно заметить следы редакционной работы. В апрельской грамоте сказано, что у патриаршего двора собралось множество людей — «всяк возраст бесчисленных родов Российского государства». Редактор 1599 года счел неуместным указание на «всяк возраст» и вычеркнул его, заменив росписью соборных чинов. Среди них он впервые упомянул столичных купцов-гостей, а кроме того, впервые внес в текст самый термин «собор».

Согласно ранней редакции, Иов предложил кандидатуру Бориса от имени немногих духовных лиц, которые были при преставлении царя Федора в Москве. Этот рассказ не удовлетворил позднего редактора, и в новом изложении процедура выдвижения кандидатуры Бориса была упрощена. Патриарх будто бы выступил от имени сразу всех духовных и светских чинов: бояр, дворян, приказных, гостей и всех «хрестьян».

Нет возможности составить более точное представление о реальном составе раннего Земского собора. Без всякого сомнения, на нем присутствовали бояре Годуновы, их родня Сабуровы и Вельяминовы, а также некоторые младшие чины думы, предположительно боярин князь Хворостинин, окольный князь Гагин, думные дворяне князь Буйносов и Татищев. Никто из противников правителя на собор, естественно, не попал.

Как следует из утвержденной грамоты, «некие бояре», участвовавшие в соборе, выступили с письменным свидетельством в пользу Бориса. Эта подробность подтверждается показанием дьяка Ивана Тимофеева, непосредственного участника избрания Бориса. Тимофеев не принадлежал к

числу безусловных приверженцев правителя, и его мемуары можно использовать для проверки официозных источников. Как писал осведомленный дьяк, самые красноречивые почитатели Годунова не поленились встать на солнечном восходе и пришли к патриарху с писаной «хартией». Замечательно, что сторонники Бориса столь высоко оценивали значение «хартии», что включили ее, по-видимому, без всяких изменений в апрельскую утвержденную грамоту.

Созданный в разгар избирательной борьбы, этот документ может служить ярчайшим образцом предвыборной литературы. В нем биография кандидата расписана самыми яркими красками, не упущена ни одна деталь, которая могла бы подкрепить его претензии на трон. Авторы «свидетельства» подчеркивали, что Борис с детства был «питаем» от царского стола, что царь Иван посетил его больного на дому и на пальцах показал, что Федор, Ирина и Борис равны для него, как три перста, что Грозный «приказал» Годунову сына Федора и все царство, что такое же благословение Борис получил и от Федора.

Некоторые детали повествования выдают авторов приговора. Упомянув о посещении годуновского двора Грозным, составители документа добавляют: «А с ним {царем.— Р. С.} мы, холопи его, были». Визит носил неофициальный характер, и Ивана сопровождали лишь самые близкие ему люди. Большинство из этих людей к 1598 году либо сошли со сцены, либо оказались в числе противников Бориса. Исключением был Дмитрий Годунов—старый постельничий царя Ивана. Видимо, он и стал одним из главных инициаторов выступления в пользу Бориса. Дядя не скупился на ложь, чтобы обосновать претензии племянника на трон. Большинство его аргументов производили анекдотическое впечатление. Но все это нисколько не смущало Иова и его окружение.

Патриарх благосклонно выслушал «*болярскую премудрую речь*» и вместе с другими участниками собора «приговорил» на другой день собраться в Успенском соборе, а затем организовать шествие в Новодевичий монастырь. Участники Земского собора приняли «крепкое уложение», определившее порядок шествия. В соответствии с разработанным сценарием дворянам следовало стать у кельи царицы Ирины, «всенародному множеству» — «на монастыре — за монастырем» в поле и «всем единогласно с великим воплем и неутешным плачем» просить Бориса на царство.

Официальные документы нарисовали идиллическую картину единодушного избрания Годунова. Жизнь же была весьма далека от идиллии. Описав то, что произошло на патриаршем дворе, составители утвержденной грамоты промолчали о более важных событиях, развернувшихся в Кремлевском дворце — резиденции Боярской думы. Показания Михаила Шилия позволяют восполнить этот пробел в официозных источниках.

Едва истекло время траура, повествует Шиль, как бояре собрались во дворце и после длительных прений обратились к народу с особым воззванием: они дважды выходили на Красное крыльцо и увещевали народ принести присягу думе. Лучший оратор думы канцлер Василий Щелкалов настойчиво убеждал толпу в том, что присяга постриженной царице утратила силу и теперь единственный выход — целовать крест боярам.

Достоверность австрийской информации подтверждается письмом неизвестного лица из Польши, датированным июлем 1598 года. Ссылаясь на донесение польского гонца из Москвы, автор письма сообщал, что «супруга покойного великого князя (в Москве.— Р. С.) поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь. Канцлер, напротив того, перед сословиями провозгласил, что Борис еще не утвержден в качестве великого князя, и знатные москвиты ему противятся и даже некоторые утверждают, что Бориса следует убить».

Самая большая трудность для думы состояла в том, что «великие» бояре, решительно отказавшиеся признать права Бориса на трон, никак не могли преодолеть собственные разногласия." Братья Романовы унаследовали от отца популярность имени. Но они не обладали достаточной изворотливостью и опытом, чтобы сплотить всех

противников правителя. По знатности Романовы далеко превосходили Годуновых. Но и они были в родстве с царской семьей лишь по женской линии. «Принцы крови» и «великие» бояре не желали уступать им своих прав на трон.

Решение Боярской думы свидетельствовало о том, что ни Романовы, ни Мстиславские не собрали в думе большинства голосов. Отклонение популярных кандидатов и разногласия обессилили думу.

В ходе избирательной борьбы наступил критический момент. Решение Земского собора в пользу Бориса Годунова не могло считаться законным, поскольку высший государственный орган – Боярская дума – решительно отклонил его кандидатуру. Но и предложение думы присягнуть боярам и учредить в стране боярское правление также не прошло. Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход всевозможные средства – от агитации до подкупа.

Земский собор оказался более расторопным. 20 февраля ему удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Борис благосклонно выслушал речи соборных чинов, но на все их «моления» отвечал отказом. Выйдя к толпе, правитель со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «пре высочайший царский чин». Мотивы отказа Годунова от короны нетрудно понять. Как видно, его смущала малочисленность толпы. А кроме того, он хотел покончить с клеветой насчет цареубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Под влиянием умелой агитации настроение в столице стало меняться.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех и с удвоенной энергией взялись за подготовку новой манифестации. Церковь пустила в ход весь свой авторитет. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Расчет оказался правильным. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось крестным ходом в Новодевичий. Таким, способом руководителям Земского собора удалось увлечь за собой внушительную толпу.

От имени народа переговоры с царицей Ириной и ее братом вели высшие чины собора. Убеждая Бориса принять корону, церковники пригрозили, что затворят церкви и положат свои посохи, если их ходатайство будет отклонено. За ними выступили бояре, сказавшие: «А мы называться боярами не станем» (не будут управлять государством, если Борис не примет корону). Последними, как и полагалось по чину, высказались дворяне.

Выступление дворянства, бесспорно, должно было оказать заметное влияние на исход избирательной борьбы в Москве. Многие признаки указывали на то, что дворяне занимали позицию, благоприятную для Бориса. Литовские разведчики уже в начале февраля дознались, что в Москве меньшие бояре стоят за Годунова. Согласно свидетельству летописей, в толпе на Новодевичьем поле находилось много служилых людей, выступавших с особым мнением. Они заявили, что в случае отказа Бориса от короны перестанут служить и биться с неприятелями, «и в земле будет кровопролитие».

После смерти Бориса его противники выступили с утверждениями,

будто годуновская администрация согнала толпу на Новодевичье поле под угрозой штрафов, специально назначенные приставы следили за тем, чтобы народ исправно и с великим усердием вопил и слезы точил, а уклонявшихся били по шее. Все эти меры, по словам позднего летописца, имели единственной целью поколебать праведную старицу Александру, будто бы отказывавшую брату в благословении. Последнее замечание обнаруживает малую осведомленность и полное пренебрежение к истине автора злостного памфлета на Бориса.

Непосредственный очевидец событий дьяк Иван Тимофеев, отнюдь не принадлежавший к числу его почитателей, ни словом не упомянул о штрафах и приставах. Зато он видел, как Борис, выйдя на паперть, обернул шею тканым платком и показал, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Этот жест, замечает дьяк, произвел большое впечатление на толпу. Тимофеев запомнил на всю жизнь оглушительные крики народа, приветствовавшего правителя. Дьяк отметил, что более всех старались «.-середине люди и все меньшие», кричавшие < нелепо, с воплем многим... не в чин», отчего лица их багровели, а утробы «расседались». Борис смог наконец пожать плоды многодневных усилий. Общий клич создал видимость всенародного избрания, и Годунов, расчетливо выждав минуту, великодушно объявил толпе о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

Манифестация 21 февраля сыграла важную роль в ходе избирательной борьбы. Опасность введения в стране боярского правления уменьшилась, тогда как позиции приверженцев Годунова окрепли. Чтобы сломить сопротивление знати, правитель должен был искать непосредственную поддержку у столичного посадского населения. Но вся структура тогдашней государственной власти была такова, что народное избрание Бориса на трон не могло иметь силу без санкции со стороны высшего органа государства – Боярской думы.

После избрания ничто не мешало правителю вернуться в столицу и надеть на себя корону. Но он медлил и в течение пяти дней продолжал жить в келье Новодевичьего монастыря. Причину его странной бездеятельности нетрудно угадать. Он ждал санкции Боярской думы. Но таковой, судя по всему, не последовало.

Только 26 февраля правитель покинул свое убежище и возвратился в Москву. Его сторонники не пожалели средств и сил на то, чтобы подготовить столицу к торжественному приему нового царя. Народ встречал Бориса на поле, за стенами города. Те, кто был победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы – золоченые кубки, соболя и другие дорогие подарки, подобающие «царскому величеству». Правитель отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и милостиво позвал всех к царскому столу.

В Кремле патриарх проводил Годунова в Успенский собор и там благословил на царство во второй раз. Присутствовавшие «здравствовали» правителя на «скифетро-царствия превзятии». По замыслу руководства Земского собора, богослужение в Успенском соборе, традиционном месте коронации государей, должно было окончательно утвердить Бориса на троне. Но к концу дня всем стало ясно, что торжественная церемония не достигла цели. Пробыв некоторое время в Кремле, Годунов долго совещался с патриархом с глазу на глаз, после чего объявил о намерении предаться посту и вернулся в Новодевичий под тем предлогом, что его сестра «бысть в нелицей болезни».

Годунов не мог принять венец без присяги в Боярской думе. Однако старшие бояре не спешили с выражением верноподданнических чувств, что и вынудило правителя вторично удалиться из столицы «за город», в Новодевичий монастырь.

Неудача не смутила Годуновых. Ряды их сторонников росли день ото дня. В начале марта 1598 года патриарх вновь вызвал к себе соборные чины. Апрельская грамота

сообщала, что на мартовском совещании Иов обратился с речью к «боляром и дворяном и приказным людем», затем «гко всему сигклиту, боляром и окольниковым и князем и воеводам и дворяном и выборным лучшим детем боярским». Поздний редактор дополнил текст указанием на то, что патриарх держал речь ко «всем боляром и дворяном и приказным и служивым людем и гостем». Итак, редактор 1599 года включил в число участников мартовского совещания представителей третьего сословия – московских гостей. Эта интерполяция служит примером тенденциозности редакторов, стремившихся обосновать тезис об избрании Годунова представительным собором.

Чтобы короновать Бориса, надо было предварительно провести общую присягу. Неудивительно, что деятельность мартовского собора сосредоточилась в значительной мере на вопросе о способе ее проведения. В своей речи патриарх просил присутствующих служить Борису верой и правдой, «как они крест целовали» и «как в целовальных записях написано». Из слов Иова можно было заключить, что собор имел в своем распоряжении текст новой присяги.

Названный документ сохранился до наших дней. Археографическая экспедиция снабдила его при публикации таким заголовком: «Соборное определение об избрании Бориса». Подлинный смысл «определения» заключен был в следующих строках: «И на том им, государем своим (семье Годунова.— Р. С), души свои даем, все крест целуем от мала до велика». Мартовская присяга повторяла ряд пунктов боярского «свидетельства», представленного Земскому собору 17 февраля. Главный из них заключался в утверждении, будто Годунова благословили на царство сначала Грозный, а затем Федор.

После совещания провинциальные епископы получили от патриарха повеление созвать в главных соборах мирян и духовенство, прочесть им грамоту об избрании Годунова, а затем петь многолетие вдове-царице и ее брату в течение трех дней под колокольный звон. Позже в провинцию выехали эмиссары правителя: в Новгород Великий – думный дворянин князь Петр Буйносов, в Псков – окольниковый князь Иван Гагин, в Смоленск – окольниковый Семен Сабуров. Особое беспокойство у Годунова вызывал Казанский край, где засели его давние недоброжелатели – воевода Иван Воротынский и митрополит Гермоген. Чтобы преодолеть их сопротивление, Борис послал в Казань боярина князя Федора Хворостинина, который должен был «привести к кресту» тамошних дворян и население.

Все эмиссары Бориса занимали среди думных людей последние места. К тому же они не имели полномочий от Боярской думы. Но посланцы Годунова явились в провинцию не с пустыми руками. Раздача денежного жалованья дворянам стала немаловажным аргументом в избирательной борьбе.

Нет оснований сомневаться в самом факте присяги, проведенной весной 1598 года. Иной вопрос, удалось ли Годуновым придать ей всеобщий характер. На местах правительственная акция, по-видимому, не встретила больших препятствий. Провинция не привыкла противиться предписаниям центра. Но ее влияние на дело царского избрания было не слишком велико. Судьбу короны решала не провинция, а «царствующий град» Москва.

В течение марта правитель оставался в Новодевичьем монастыре и лишь изредка показывался в столице. Во время своих наездов он «с бояры своими о всяких земских делех и о ратных делех советоваше со всяцем великим прилежанием». 19 марта Борис впервые созвал Боярскую думу для решения накопившихся местнических тяжб, не терпевших отлагательств. Таким образом, Годунов приступил к исполнению функций самодержца. Но он не спешил расстаться с загородной резиденцией и долго откладывал переезд

в государевы покои, опасаясь спровоцировать оппозицию на открытое выступление.

Чтобы облегчить Борису возвращение в Кремль, его приверженцы организовали третье по счету шествие в Новодевичий монастырь. Вместе с верными боярами Иов настойчиво просил Бориса не мешкая переехать в «царствующий град» и сесть «на своем государстве». В знак полной покорности просители стали перед правителем на колени и «лица на землю положиша». В ответ Годунов неожиданно объявил, что отказывается от трона («царские власти паки отрицашеся со слезами и на престоле не хотяше сидети»). «Отречение» Бориса невозможно объяснить, если допустить, что присяга ему Боярской думы имела благополучный исход. При редактировании утвержденной грамоты в 1599 году царская канцелярия старательно вычеркнула из ее текста эпизод отречения.

Отказ Бориса побудил патриарха вновь обратиться к царице-инокине за указом. Старица Александра без промедления «повелела» брату ехать в Кремль и короноваться. Свой указ бывшая царица облекла в самые недвусмысленные выражения. «Приспе время облещися тебе в порфиру царскую», – сказала она Борису. Новый ход го-дуновская партия хорошо рассчитала. Поскольку патриарх не мог короновать претендента без боярского приговора, а руководители думы продолжали упорствовать, необходимый боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

1 апреля Годунов во второй раз торжественно въехал в столицу. Церемония повторилась во всех подробностях. За Неглинной Бориса ждали духовенство и народ. Он выслушал службу в Успенском соборе, затем прошел в царские палаты и там, повествует официоз, «сяде на царском своем престоле». Некоторое время спустя патриарх велел прочитать перед священным собором утвержденную грамоту об избрании Бориса, доказывавшую, что правитель сел на трон благодаря законному избранию и благословию патриарха.

Грамота подробно описывала первоапрельскую церемонию в Успенском соборе, и в особенности тот момент, когда патриарх возложил на Бориса крест Петра-чудотворца, «еже есть начало царского государева венчания и скифетродержания». Очевидно, авторы документа пытались изобразить «наставление» Годунова в цари как свершившийся факт.

Избирательная грамота в ранней редакции заканчивалась указанием на то, что патриарх и другие духовные лица скрепили документ своими руками и печатями, «а бояре и окольные и дворяне и диаки думные руки ж свои приложили...». Приведенные строки заключают в себе одну из наибольших загадок избирательной кампании Бориса. Почему руководители Земского собора намеревались скрепить соборные постановления подписями одних лишь думных чинов – от бояр до думных дьяков? Почему они не хотели привлечь для подписания документа всех прочих участников собора: дворян, приказных людей и гостей? Оформленная таким образом утвержденная грамота походила бы не на постановление Земского собора, а на заурядный приговор Боярской думы и духовенства.

Проект подписания утвержденной грамоты в Боярской думе рухнул на самой ранней стадии. Патриаршая канцелярия не смогла составить даже перечень думных чинов, которым надлежало скрепить грамоту «рукоприкладством». В списках апрельской грамоты и среди подписавшихся фигурировали одни духовные лица.

Переезд Годунова в царские апартаменты и попытки навязать думе утвержденную грамоту гальванизировали оппозицию. Ведущие бояре наконец осознали, что дальнейшее промедление отнимет у них последние шансы на учреждение в стране боярского правления. Длительное время думу парализовали внутренние разногласия. Щелка лову лишь ненадолго удалось преодолеть их. Когда канцлер вынужден был уйти в тень, его место

заступил Богдан Вельский.

Знаменитый временщик Грозного обладал огромным опытом по части политических интриг и располагал исключительными финансовыми возможностями. Он вызвал в Москву множество вооруженных людей из всех вотчин и надеялся решающим образом повлиять на исход выборов. Последний законный душеприказчик царя Ивана считал, что его час пробил. И он в самом деле добился некоторого успеха. Известия об этом проникли в Литву.

Литовские разведчики донесли, что в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Вельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона». Как видно, Вельскому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща. Романовы временно отказались от трона в пользу Симеона, потому что их претензии не поддержала знать. Мстиславский высказался за Симеона, потому что тот доводился ему шурином.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем стал великим князем Тверским. Годунов свел служилого «царя» с тверского княжения, и он жил в деревенской глуши в полном забвении. «Царская» кровь и благословение царя Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом. Симеону понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Годунова. Знать рассчитывала сделать его послушной игрушкой в своих руках. Ее цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз посредством подставного лица. Объединение антигодуновской оппозиции грозило начисто разрушить все старания правителя.

Борис не осмелился применить санкции против Боярской думы, но постарался помешать ее деятельности под предлогом угрозы татарского вторжения. Москва располагала превосходной разведывательной сетью в Крыму и не могла не знать того, что хан готовит поход в Венгрию. Тем не менее военное ведомство с начала марта стало

усиленно распространять сведения о близком вражеском нашествии. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что крымская орда «часа того» движется на Русь. Нетрудно догадаться, кому понадобился ложный слух. 1 апреля Годунов готовился занять царский дворец. Опасаясь протеста со стороны боярской оппозиции, он старался привлечь общее внимание к вопросу о внешней опасности. В обстановке военной тревоги ему нетрудно было разыграть роль спасителя отечества и добиться послушания от бояр.

Попытки Бориса отрядить главных бояр на татарскую границу долго не удавались. После 20 апреля Годунов объявил, что лично возглавит поход на татар. К началу мая полки были собраны, а бояре поставлены перед выбором. Им предстояло либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы предпочло ца время подчиниться. Борис добился своей цели и мог торжествовать.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал к полкам на Оку. Прибыв в ставку, он удостоил воинство выдающейся чести – велел «спросить о здоровье» дворян, стрельцов, казаков, всяких ратных людей.

Правителю не пришлось отражать неприятельское нашествие, тем не менее он пробыл на Оке два месяца. При нем находились вызванные из Москвы архитекторы и строители. Они воздвигли на берегу Оки целый город из белоснежных шатров с невиданными башнями и воротами. В этом городе Борис устроил поистине царский пир по случаю благополучного окончания своего предприятия.

В Серпухове Годунов добился больших дипломатических успехов.

Крымские послы, явившиеся с предложением о мире, признали за ним царский титул. Английская королева официально поздравила его с восшествием на престол.

Серпуховский поход стал решающим этапом избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Раз подчинившись правителю, бояре стали обращаться к нему за решением своих местнических тяжб и тем самым признали его высший авторитет. Со своей стороны Борис постарался удовлетворить самолюбие главных противников, вверив им командование армией.

Годунов не жалел усилий, чтобы завоевать на свою сторону симпатии всей массы уездных дворян и ратных людей. Он щедро потчевал их за «царским столом», а затем велел раздать денежное жалованье. Борис добился признания со стороны дворянского ополчения, потому что его политика закрепощения крестьян и освобождения барской запашки от государевых податей отвечала чаяниям и нуждам феодального сословия в целом.

Энтузиазм провинциальной служилой мелкоты помог Борису преодолеть колебания в среде столичного дворянства. Как только провинция сыграла свою роль, ей пришлось отступить в тень. С окончанием серпуховского похода правитель немедленно распустил по домам «детей боярских всех московских городов» и ратных людей, а всем столичным чинам – «боярам, и окольниковым, и приказным людям, и столникам, и стряпчим, и жилцам, и дворянам болишм, и дворянам из городов всем» – указал идти к Москве. Столичные чины, включая «городовой выбор* (власти периодически комплектовали «выбор» из лучших в провинциальных дворян), несли службу в Москве, а потому их и вызвали в «царствующий град».

Возвращение высших дворянских чинов в столицу создало потенциальную возможность для возобновления работы представительного Земского собора. Однако трудно сказать, в какой мере власти использовали эту возможность. Предположение о том, что летом 1598 года деятельность избирательного собора вступила в решающую фазу, опирается главным образом на дату – 1 августа – в тексте утвержденной грамоты последней редакции. Однако подложность этой даты выяснена выше.

Патриарх Иов ждал возвращения Годунова из серпуховского похода и тщательно готовился к этому торжественному моменту. К июлю канцелярия завершила сбор подписей под текстом апрельской утвержденной грамоты. В списках членов священного собора, составленных в апреле 1598 года, значилось 115 лиц. К лету документ скрепили своими подписями 126 иерархов, многие из которых не числились в начальном списке. Грамоту подписали сразу два игумена Снетогорского монастыря, два вяжецких игумена и т. д. Очевидно, ни списки, ни подписи утвержденной грамоты не отражали реального состава собора на какой-то один период времени.

Провинциальные церковники подписывали грамоту по мере их приезда в Москву. Со столичным духовенством дело обстояло иначе.

Согласно перечню, «у утвержденной грамоты» были 19 старцев из столичных соборов и монастырей. Ничто не мешало властям отобрать подписи у этих лиц, находившихся по большей части в Кремле. Почему же шестеро из них не подписали грамоту? Почему на грамоте нет руки благовещенского протопопа, исполнявшего роль царского духовника? Может быть, протопоп отказался скрепить грамоту об избрании Бориса либо фактически не был приглашен на патриарший собор? Не является ли все это косвенным указанием на то, что патриарху не удалось добиться полного послушания даже от кремлевского духовенства?

Патриарх привлек для удостоверения апрельской грамоты не только князей церкви и настоятелей главных монастырей, но и несколько десятков монахов и священников, никогда прежде не участвовавших в деятельности

священного собора. На избирательном соборе присутствовало множество второстепенных лиц, но зато отсутствовали некоторые самые известные и влиятельные иерархи. В июле патриаршая канцелярия пыталась объяснить этот факт тем, что она составила списки не по степенным книгам (их не нашли в спешке), а «памятью». Такому наивному объяснению никто не поверил. В самом деле, как могли власти запомнить о казанском митрополите Гермогене и его архимандритах? В официальной иерархии Гермоген считался третьим лицом после патриарха. Но его не пустили в Москву из-за нелояльного отношения к Борису. В июле Иов выступил с неопределенным обещанием насчет того, что Гермоген и его помощники получат возможность подписать утвержденную грамоту, когда царь Борис сочтет нужным вызвать их к себе.

Так формировался и так действовал священный собор, служивший одной из руководящих курий избирательного Земского собора Бориса Годунова.

В июле патриаршая канцелярия дополнила утвержденную грамоту указанием на то, что на избирательном соборе вместе с патриархом заседали «бояре князь Федор Иванович Мстиславский да и все... бояре, и окольниковые, и дворяне, и дьяки, и гости, и лучшие торговые люди ото всея земли Российского государства». Приведенные строки могли бы служить решающим доказательством того, что в июле соборное совещание возобновило свою деятельность. Более того, в его работе впервые приняло участие официальное руководство Боярской думы в лице Мстиславского, вследствие чего совещание превратилось в традиционный и полномочный собор.

Степень достоверности июльской приписки к тексту утвержденной грамоты, однако, не вполне ясна. Приписка отразила либо подлинные факты, либо неосуществленные проекты и замыслы патриаршей канцелярии. Если бы Мстиславский с товарищами заверили документ, сомнения отпали бы сами собой. Но в том-то и беда, что в тексте апрельской грамоты нет ни одной боярской подписи. Это тем более удивительно, что канцелярия (согласно тексту приписки) намеревалась передать документ на подпись также дворянам и приказным людям. Намерение ее так и не осуществилось.

Примечательно, что даже в июле патриаршая канцелярия не считала необходимым привлечь к подписанию утвержденной грамоты низшие курии Земского собора, включавшие детей боярских и представителей земства — купцов и посадских людей.

Патриарх ухватился за мысль о составлении утвержденной грамоты, когда у него вышел конфликт с руководителями Боярской думы. Подписание грамоты могло заменить церемонию присяги в думе. Надобность в таком документе уменьшилась, когда Годунов добился от бояр послушания. В июле утвержденную грамоту окончательно сдали в архив. Серпуховский поход смел последние преграды на пути к общей присяге.

Вековой обычай предписывал приводить к присяге в зале заседания высшего государственного органа — Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный Иов.

Москва целовала крест «в пору- жатвы», то есть в конце июля — августе. Участник церемонии Иван Тимофеев рассказывает, что собравшиеся в Успенском соборе москвичи громко выкрикивали слова присяги, так что от их воплей не слышно было молитв и приходилось затыкать уши. По словам того же автора, население собралось в соборе потому, что боялось послушаться грозного предписания.

Текст летней присяги разительно отличался от мартовского текста. Весною власти многословно убеждали подданных в законности избрания Бориса. Теперь они ограничились лишь пространством перечнем обязанностей

подданных по отношению к «богоизбранному» царю. Подданные обещали «ни думати, ни мыслит, ни семьи-тись, ни дружитись, ни ссылатись с царем Семионом» и немедленно выдать Борису всех, кто попытается «посадит Семиона на Московское государство». В этом пункте, отсутствовавшем в мартовском тексте, заключался основной политический смысл нового акта. Ловким ходом Годунов окончательно разрушил планы оппозиции, замышлявшей передать трон «царю» Симеону. Летняя присяга аннулировала постановление Боярской думы об избрании Симеона.

Новые пункты присяги призваны были убедить всех, что Годунов намерен водворить в стране порядок и справедливость. Чиновники клялись, что будут судить без посулов, «в правду».

Вступая на трон, Борис испытывал крайний испуг перед тайными злоумышлениями бояр и прочих недоброжелателей. Всяк подданный должен был клятвенно обещать не учинять лиха царской фамилии. Годунов, казалось бы, предугадывал грядущие потрясения и старался оградить от них себя и свою семью. Присягавшие принимали обязательство «не соединяться на всякое лихо и скопом и заговором (на семью Годуновых.— Р. С.) не приходит».

Подготавливая почву для коронации, власти 1 сентября организовали четвертое по счету торжественное шествие в Новодевичий монастырь с участием духовенства, бояр, гостей, приказных людей и жителей столицы. В итоге нового «моления» Борис, заранее прибывший в Новодевичий, милостиво согласился венчаться царским венцом «по древнему обычаю».

Два дня спустя Годунов наконец короновался в Успенском соборе в Кремле. По случаю коронации царь пожаловал высшие боярские и думные чины многим знатым лицам. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Вельский. Бояре получили гарантии против возобновления казней.

Государь дал тайный обет не проливать кровь в течение пяти лет. При этом он постарался, чтобы его обет ни для кого не остался секретом.

После коронации положение Годунова, однако, оставалось довольно шатким. Не случайно в начале января 1599 года в Польше и Ливонии стали циркулировать упорные слухи о том, что царь Борис убит своими подданными. Король Сигизмунд получил известие об этом сразу из трех источников. Из Орши ему сообщали, будто Годунова убил «некий царек». Из Вильны ему писали, что во время аудиенции в Кремлевском дворце Борис ударил посохом одного из Романовых, за что тот поколол его ножом. Вести оказались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и знатью.

Политическая ситуация в Москве лишена была стабильности, и в Кремле вновь вспомнили об утвержденной грамоте. После коронации апрельский текст, служивший как бы предвыборным памфлетом, окончательно устарел. Царской канцелярии пришлось немало потрудиться, чтобы составить новый текст, радикально отличавшийся от старого. Борис приказал переписать грамоту о своем избрании в двух парадных экземплярах. Первый был запечатан золотыми и серебряными печатями и сдан на хранение в казну, второй попал в патриаршую ризницу в Успенском соборе. Из усердия Иов велел вскрыть гроб чудотворца Петра в Успенском соборе и вложил в него свой экземпляр.

В самом конце 1598 года — начале 1599 года власти созвали в Москве Земский собор и представили ему на рассмотрение новую утвержденную грамоту. Законность нового собора не вызвала ни малейшего сомнения. В полном соответствии с соборной практикой XVI века его члены были назначены самим правительством. На соборе присутствовали как сторонники, так и бывшие противники Годунова. Таким образом, новый собор обладал достаточной представительностью.

Перемены в составе собора сводились к следующему. Функционировавший до коронации вселенский собор был теперь распущен и

уступил место священному собору в его традиционном составе. Несоборные иерархи не попали в перечни утвержденной грамоты, и лишь некоторым из них в виде исключения разрешили подписать документ. В первых избирательных соборах участвовали немногие бояре, преимущественно родственники правителя. На соборе 1599 года Боярская дума была представлена почти в полном составе. В перечне утвержденной грамоты 1599 года отсутствовали влиятельные бояре Голицыны, Куракины, Иван Шуйский, Шестунов, Сицкий. За исключением двух последних лиц, все они со временем скрепили документ своими подписями. Очевидно, церемония подписания избирательной грамоты боярами растянулась на длительный срок.

Помимо членов думы правительство привлекло для участия в новом соборе значительную часть столичного дворянства, высшие дворцовые чины, стольников, стряпчих, жильцов, приказную бюрократию, стрелецких голов.

Цвет столичной знати и служилые верхи были представлены на соборе с исключительной полнотой. Они решительно преобладали в составе служилых курий собора. Что касается провинциального дворянства, то его представлял на соборе «выбор из городов». На собор попали, однако, не все находившиеся в Москве «выборные» дворяне, а лишь половина из них. Грамоту подписали также несколько нечиновных детей боярских из Новгорода Великого, Ржевы и Белой. По своему положению эти люди стояли столь невысоко, что их подписи затерялись среди подписей купцов и посадских старост. Участие новгородцев в соборе не планировалось заранее: их имена не значатся в соборных списках. Но, в отличие от прочих дворян, провинциальные дети боярские расписались не только за себя, но за все уезды, которые они представляли. Подписи двух новгородских помещиков удостоверили участие в царском избрании служилого Новгорода.

После коронации власти не искали поддержки у «всенародного множества». Тем не менее они пригласили на Земский собор многих богатых купцов и посадскую администрацию столицы. В списках собора значились 22 гостя и 2 гостиных старосты, а также 14 сотских, возглавлявших тяглые «черные» сотни Москвы. Купцы скрепили грамоту своими руками, за некоторых сотских расписались горожане. Присутствие «черных» тяглых людей придавало собору подлинно земский характер.

Члены последнего Земского собора подписали утвержденную грамоту уже после того, как Борис прочно сел на царство. Следовательно, они не обсуждали вопрос, кого избрать на трон. У них попросту не оставалось выбора. По-видимому, все функции собора свелись к тому, что его участники выслушали текст утвержденной грамоты и поставили подпись на документе, заведомо ложно излагавшем историю воцарения Годунова. Подписание грамоты заняло продолжительное время, но властям так и не удалось добиться соответствия между перечнями и подписями членов собора. В конце концов невозможно решить, кто из них присутствовал на соборе в самом деле, а кто расписался на соборном приговоре задним числом. Утвержденная грамота 1599 года имела значение своего рода поручной записи. Ее списки четко очертили тот круг лиц, от которых Борис требовал особых доказательств лояльности. К нему принадлежали бояре, столичные чины и вся столичная знать, высшие церковные иерархи и верхушка посада.

Критический разбор источников позволяет заключить, что избирательный собор Годунова в ходе политической борьбы многократно менял свои формы и состав. Ранние соборные совещания, опиравшиеся на посадское население, уступили место традиционному Земскому собору, возглавленному Боярской думой и знатью. Выборы 1598–1599 годов сыграли важную роль в истории сословно-представительных учреждений в России.

Многовековое господство боярской аристократии определило политическую структуру Русского государства. Традиции воздвигли на пути Бориса к высшей власти непреодолимые преграды. Междуцарствие грозило в

любой момент разрешиться смутой. Но Годунову удалось избежать потрясений, ни разу не прибегнув к насилию. В искусстве политических комбинаций он не знал себе равных. Найдя опору в дворянской массе и среди столичного населения, Борис без кровопролития сломил сопротивление знати и стал первым «выборным» царем.

главная			полезные ссылки
об авторе сайта	Впечатления о новом театре оперы и балета Владивостока	об искусстве	разное
фотографии	календарно-тематический план и другие требования	Владимир Самойлович Горовиц биография	политика конфиденциальности
педагогическая деятельность	компьютер для музыкальных занятий		новости сайта
слайдшоу и презентации для работы	как работать в MuseScore	Иосиф Бродский	обратная связь
http://nina-teleckaya.narod.ru/index/moi_muzykalnye_slajdfilmy/0-4#p1			
Моя презентация об Органе - короле музыкальных инструментов.			
35 летию ЦРТДиЮ посвящается			
" А что у нас "			
"Трудами вашими здесь — Россия "			
"Иллюстрации о детских годах Моцарта "			
"Я люблю тебя, Россия"			
Фотопортфолио - кратко			
фотографии и видео с занятий	в Anvil Studio	Лавринайтис Татьяна Андреевна	каталог файлов
аранжировки	редактор аудио Audacity	Диана Вишнёва	Скачать презентацию о Бетховене « О силе духа — с любовью
дополнительные материалы	видеуроки и мастерклассы	Юрий Михайлович Лотман	наглядное пособие "соответствие клавиш компьютерной клавиатуры клавишам

			фортепиано синтезатора "в Anvil Studio" файл для распечатки.7z скачать
о звуке и его воздействии	Звукоизвлечение на скрипке	Письмо дирижёра Евгения Шестакова	Скачать презентацию «Орган»
струнные смычковые инструменты	Программа " 45 шедевров классической музыки"	в мультфильмах - хорошая классическая музыка	
Развитие мелкой моторики рук у детей в занимательной форме	Вопросы и ответы по возможному обучению музыке на компьютере.	Bartok Violin Solo Sonata: Fuga Gidon Kremer vl.	
Пальчиковая сказка	Вопрос: как (1) и когда (2) можно использовать компьютер для музыкальных занятий?	Барток Соната скрипки соло: Fuga Гидон Кремер	
Пальчиковые игры. Музыка с мамой. Железновы	Вопрос: какие задачи по обучению музыке поможет решить компьютер, а какие - нет?	Gidon Kremer plays Eugène Ysaie - Solo Sonata No.1 in G minor I. Гидон Кремер играет Эжена Изаи - Соло Соната No.1 соль минор I. Grave	
Развивающие занятия. Развитие мелкой моторики	Вопрос: для каких музыкальных занятий можно использовать компьютер?	О художниках	
Гимнастика для рук - для музыкантов, актёров, жонглёров, для компьютерщиков.	Авторское описание программы " 45 шедевров классической музыки"	Театр	
http://nina-teleckaya.narod.ru/index/dopolnitelnye_materialy/0-18#p7	Скриншоты программы и видеопрезентация программы " 45 шедевров классической музыки"		
Предисловие	Виртуальное пианино - играть на сайте на пианино		
Мастер-класс с Иегуди Менухиным	прием игры, называемый col legno		
Штрих смычковых струнных инструментов	Место ведения смычка по струне		

<u>Способы извлечения звука</u>	<u>sul ponti-cello</u>		
<u>Движение струны</u>	<u>такой прием называется sul tasto</u>		
<u>arco</u>	<u>В скрипичной музыке часто встречаются сочетания штрихов</u>		
<u>pizzicato</u>	<u>Генрик Венявский Бела Барток Румынские танцы</u>		